

ЛО ЯН
ЧАН АНЬ

Слуга Тигра

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я-60

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Ян, Ло.
Я60 Слуга тигра / Ло Ян, Чан Ань. — Москва : Эксмо, 2025. — 608 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-213580-4

Молодой магистрат Сун Цзиюй прибывает в старую столицу Империи Чжунчэн. В городе атмосфера упадка, жители суеверны, а в череде загадочных убийств обвиняют демона. С помощью наглого господина Ху Мэнцзы Сун Цзиюй предстоит раскрыть таинственные преступления. Положение усугубляется тем, что в одну туманную ночь в городе убивают... самого магистрата Суна.

Вот только в этом городе не так-то легко умереть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213580-4

© Ло Ян, Чан Ань, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Посвящается всем котам,
которые согревали нашу жизнь.*

Чиновник опирается на печать,
а тигр — на горы.

Китайская пословица

Глава 1

В прорехе между бамбуковыми кронами плыли тучи, тяжелые, набухшие от непролитых дождей. Порывистый ветер немилосердно трепал ветви; сухой лист, кружась, упал Сун Цзиюю в подставленную ладонь.

Что за погода... А ведь, казалось бы, юг.

— Господин, Чжунчэн в двух больших часах. Хотите сделать привал?

— Нет. Едем. — Сун Цзиюй перевернул ладонь, и лист, тщетно цепляясь за загрубевшую от меча кожу, соскользнул в чмокающую под копытами Бархата грязь.

Позади скрипели колеса, возница вполголоса ругался на разбитые дороги. Две повозки, четверо слуг, старый меч да фамильная гордость — вот и все, что осталось от славного рода Сун.

Сун Цзиюй невесело усмехнулся.

— Господин! Господин!.. — Высланный дозором Жю Юй во весь опор мчался назад. — Разворачивайтесь! Разбойники...

Он резко осадил коня, и тот заплясал перед Бархатом. Бархат показал зубы.

— Тихо, — Сун Цзией слегка натянул повод. — Где, сколько?

— Через три ли. Остановили какую-то повозку, богатую, человек десять их...

— Ждите здесь, — велел Сун Цзией остальным. — Жу Юй, Лань Сы, со мной.

Бархат взял в галоп с места, бамбуковые стволы по сторонам от дороги слились в зеленую полосу. Копыта ударяли по камням звонко, дробно, разжигая азарт — и вправду, сколько можно плестись шагом да жалеть себя? Намотав поводья на луку седла, Сун Цзией на скаку зарядил маленький арбалет. Еще не принял полномочия, а уже нет покоя...

Он ухмыльнулся. Тоску, сжавшую было сердце, смыло горячей волной, кровь стучала в ушах, как боевые барабаны.

Поворот и еще один. Услышав голоса, он спешился и дал слугам знак ждать, а сам двинулся вперед, держась за деревьями. Очень кстати впереди показалась кряжистая сосна — за ее широким стволом он и замер, рассматривая напряженную сцену. Вот они: поваленная на бок повозка резного дерева, прижавшийся к колесу молодой господин, на персиковом рукаве дорогого халата темное пятно — кровь. Вокруг добычи фигуры в черном — нависли, встали в полукруг.

— Послушайте, господа... — незнакомец старался говорить уверенно и непринужденно, но голос подрагивал. — Зачем же доводить до смертоубийства... ведь мы разумные люди...

— А зачем ты нам живым? — глухо рассмеялся из-под маски разбойник. — Мы знаем, что старый магистрат съехал, а нового еще нет! Хотя всех тут перебьем, никто и не почешется!

Наглый, и язык подвешен. Вожак?

Сун Цзиюй не спеша, тщательно прицелился. Пусть болтает: за звуком своего голоса не услышит, как тренькнет тетива.

— Резонно рассуждаете, почтенный разбойник... — пробормотал щеголь. — Прошу, в знак моих добрых намерений... примите мое серебро... но только не трогайте подвеску, это фамильная драгоценность...

Вожак заинтересованно приподнял кончиком меча подвеску — что там, яшмовый тигр?..

Сун Цзиюй выстрелил на выдохе. Свистнул арбалетный болт, но разбойничий главарь выкрутил вдруг саблю и одним легким движением отбил стрелу. Сун Цзиюй видел такой трюк лишь на ярмарках, не думал, что кто-то и вправду способен на это в бою.

— Что за трус там стреляет из-за угла! — крикнул разбойник. — Выходи, или я сам к тебе приду!

Сун Цзиюй перезарядил арбалет и осторожно высунулся из-за дерева — но разбойник внезапно был уже рядом и взмахом сабли вышиб у него из рук оружие. Сун Цзиюй отпрыгнул, бросив полный сожаления взгляд на упавшие на землю две половинки любимой игрушки, и выхватил меч.

Зазвенели, встретившись, клинки. Он стиснул зубы: да что это за бандит?! Такая сила и умение...

Лань Сы тоже приходилось несладко — он, видно, хотел бесшумно обойти врага по бамбуковому подлеску, но разбойники его заметили: сразу двое плясали вокруг, дразня его, насмешливо твякая высокими голосами, видно, чтобы сбить с толку. Невысокие, стройные... юнцы из цзянху?

Главарь сделал выпад, едва не пропоров Сун Цзиюю рукав. Прищурился:

— Вас всего двое! Убирайся-ка подобру-поздорову и не вмешивайся в дела... Летучих лис!

— Уж не думаешь ли ты, что я позволю разбойникам убить честного человека на дороге? — процедил Сун Цзиюй.

Он отступил в сторону, и еще, и еще, сближаясь с Лань Сы. Тот чуть кивнул, разгадав его маневр. Если удастся захватить вожака, может, удастся поторговаться...

— Честного человека! — фыркнул главарь. — Этот-то честный? Богатый пьяница и развратник?

— Эй! — возмутился прижавшийся к повозке «пьяница». — Всыпьте им как следует, господин! Не жалейте!

Двое разбойников тем временем взлетели одновременно в цингуне, оттолкнувшись от древесных стволов и наскочили сзади: один на Сун Цзиюя, другой на Лань Сы. Мечи у них были короткие, в самый раз для быстрых подлых ударов.

Сун Цзиюй бросился на землю и перекатился, уходя из-под падающего клинка, а потом резко оттолкнулся ногами, сделал сальто назад и оказался прямо за спиной у вожака. Лань Сы отвлек его, заставив парировать удар, и Сун Цзиюй ловко схватил разбойника, притиснул к себе.

— А ну стоять! — рявкнул он, прижав лезвие к резко вытянувшейся шее.

Его подельники замерли, не сводя с Сун Цзиюя внимательных глаз.

— Пусти нашего брата! — крикнул тот, что повыше. — Пусти, и разойдемся мирно! Не будем тебя убивать!

— Отпущу, когда вы все уберетесь отсюда, — мрачно рявкнул Сун Цзиюй. — Положили оружие на землю и пошли вон!

Он не был уверен, что это сработает; что, в конце концов, им помешает пожертвовать главарем? В цзянху каждый сам в главари метит... Или вот так же пригрозить все еще сидящему на земле «пьянице»?

Почему он не бежит, ноги у него, что ли, отнялись?

Разбойники медленно, не сводя с него глаз, присели на корточки... И вдруг произошло нечто странное. Главарь, стоявший прямо перед ним, вдруг исчез. Не просто присел, а... в одно мгновение оказался внизу, перекатился по земле...

— Уходим! — взвизгнул он неожиданно тонким голоском, и разбойники порскнули кто куда, только пятки засверкали.

Сун Цзюй медленно опустил меч, изумленно спросил Лань Сы:

— Это что такое было?..

Тот нахмурился.

— Я в вашу сторону не смотрел, наблюдал за теми двумя. Как вы его упустили?

Если б знать... Не скажешь ведь, что разбойник как будто уменьшился на мгновение?

Сун Цзюй помотал головой. Ладно, потом. Надо проверить, как там этот господин у повозки...

Господин встал, опираясь о тележную ось, отряхнул персиковый халат, ощупал распущенные волосы, проверяя, видно, не выронил ли нефритовую шпильку. Впрочем, она скорее запуталась в локонах, чем действительно скрепляла прическу, так что разницы не было. Раненую руку он держал на отлете, словно не вполне понимая, что с ней делать. Боялся запачкать одежду?

— Благодарность этого несчастного не знает границ! — он поклонился Сун Цзюю. — Как ваше драгоценное имя? За кого я должен вечно просить Небо?

Аромат сливового вина усилился.

— Мое скромное имя — Цзюй. Фамилия — Сун, — он покачал головой, оглядывая «несчастливого» с головы до ног. Пожалуй, ровесник, лет тридцать на вид. Одежда дороже, чем месячное жалование магистрата, подол в винных пятнах, верхний персиковый халат

с тончайшей золотой вышивкой запахнут кое-как, на поясе искусной работы подвеска из красной яшмы, действительно в виде тигра, из-за пазухи торчит лакированный веер. Должно быть, выходец из местной знати или сын купца.

— Лань Сы! — позвал Сун Цзиюй.

Тот, оказывается, уже давно стоял рядом, не растерял способность подкрадываться бесшумно. Верный слуга и учитель, когда-то спас отцу жизнь в краю рек и озер, а теперь вот прислуживает недостойному сыну.

— Молодому господину нужна перевязка, — Сун Цзиюй кивнул на окровавленный рукав. — Затем ему следует поехать в управу для дачи показаний.

Он оглянулся на лес. Да и как бы разбойники не вернулись с подкреплением.

— Ни к чему, ни к чему, господин Сун, просто царапина! — господин с кислой миной осмотрел попорченный рукав. — Я, ничтожный Ху Мэнцзы, не слушал заветов батюшки, не упражнялся ни с мечом, ни с палицей, сам виноват. Ну да садясь в свадебный паланкин, поздно прокалывать дырочки в ушах...

Он вдруг улыбнулся, темные миндалевидные глаза блеснули искрой веселья.

— В управе скучно, там одни нудные чинуши! Едем же в мое поместье, благодетель, отобедайте у меня! Это меньшее, что ваш покорный слуга может сделать в благодарность. Не отказывайтесь, отказа не приму! Будем пить за мое чудесное спасение!

— Вынужден все же отказаться, — Сун Цзиюй оглядел «поле боя». Резной возок на боку, лошади разбежались, слуги, по-видимому, тоже. Придется брать господина... как он сказал, Ху?.. с собой.

— Забирайтесь, — он указал на свою подъехавшую повозку.

Господин Ху не стал куртуазно отказываться: в мгновение ока влез за полог, вальяжно устроился на поду-

шках, достав из рукава серебристую флягу с чеканным пейзажем: горный источник бежит по скалам.

— Пожалуй, составлю вам компанию, благодетель Сун! — пропел он. — Но только до перекрестка, а там уж эти трусливые сукины дети, что мне служат, найдут лошадей и догонят нас.

Он высунулся в маленькое окошечко и вдруг, сунув два пальца в рот, свистнул залиvisto, так что у Сун Цзиюя уши заложило. В ответ по лесу пронесся шорох, лошади заржали где-то вдалеке.

— Далеко не убежали, — удовлетворенно ухмыльнулся Ху Мэнцзы и, поднеся фляжку к губам, сделал большой глоток.

«Так и есть — пьяница, — подумал Сун Цзиюй. — Или просто запивает испуг?.. Надо будет послать к нему завтра пристава, раз сам не хочет ехать в управу. Не дело, что разбойники вот так запросто шастают по дорогам и нападают на людей...»

Он подозвал Бархата и вскочил в седло, поехал шагом рядом с повозкой.

Дорога вползла на перевал; просветлело — тяжелые облака уплыли к реке, вьющейся внизу серебристой лентой. Вдали на берегу раскинулся город Чжунчэн, старая столица: маленький по меркам нынешних городов, а издалека и вовсе будто игрушечный. Ближе темнела заросшая громада императорского кургана. Синие-зеленые сосны, взбегавшие к вершине, делали его похожим на взметнувшуюся над городом волну.

Давно, будучи еще совсем юношей, Сун Цзиюй мечтал разгадать тайну гибели правившей в Чжунчэне династии — но теперь это казалось детскими играми. Столько всего произошло за годы в столице, столько чувств он испытал, столько дел раскрыл, дум передумал... и где все это? Словно осенним ветром унесло вместе с юношескими фантазиями.

Вместо грусти на него неожиданно снизошел покой. Заливались в зарослях птицы, солнце, клонясь к горизонту, светило теперь мягче. Косые лучи пронизывали лес, и тени бамбуковых стволов крест-накрест ложились на дорогу, в мягкую пушистую пыль.

Прелестный горный пейзаж, будто и не было никаких разбойников.

— И часто у вас так, господин Ху? — спросил Сун Цзиюй. В конце концов, зачем ждать до завтра и посылать людей, если можно выяснить все сейчас.

Господин Ху уже успел задремать, облокотившись на руку. Широкий рукав задрался, обнажив яшмово-белое запястье, гладкое предплечье...

Никакого нательного белья.

Сун Цзиюй отвернулся. Распушенные волосы, теперь это. Что за вид? Вольного философа он, что ли, изображает? Пил вино в бамбуковой роще, сняв одежды и распустив волосы?

Или... был на свидании? Но ничем, кроме вина, от него не пахло.

Господин Ху зевнул, потянулся.

— Часто ли у нас... хорошая погода? — промурлыкал он. — Нечасто. Видно, в честь вашего приезда вышло солнышко. Часто ли я попадаю в передраги? Это впервые. Разбойники боятся местного тигра и не задерживаются у нас.

Он окинул Сун Цзиюя сонным, ленивым взглядом.

— Тигр охраняет горы, дракон бережет реки... А Сын Неба защищает людей. Дайте-ка угадаю: магистрат Чжунчэна тяжело заболел и уехал умирать на родину, мы остались без защитника. И вот на дороге в город я встречаю воина с длинным мечом и решительным взглядом... Статного, чернобрового... Серьезного, даже слишком. Признайтесь, благодетель Сун, вы — наш новый магистрат?

«Вот уж насмешка судьбы, первый же встреченный житель Чжунчэна — и подобный наглец!» — изумился Сун Цзиюй.

— Господин Ху проникателен, — не стал лукавить он. — Значит, вы полагаете, эти разбойники — пришлые?

— Не наш говор, — отмахнулся Ху Мэнцзы, снова приложившись к фляжке. — А вы боитесь тигров, магистрат Сун? Ведь вы тоже не местный, вдруг он выйдет на ваш чудесный запах?

Он потянул носом.

— Сандал... лаванда от моли... крапивный отвар для волос... и... кажется, масло сладкого миндаля после бритья.

Сун Цзиюй поглядел на него с изумлением — тот безошибочно перечислил все, что лежало в притороченных к задку повозки ящиках.

— Господин Ху — владелец косметической лавки? — спросил он.

— Просто слежу за собой, — отмахнулся Ху Мэнцзы. — К тому же от тряски по нашим дорогам у вас там все пролилось.

Он с улыбкой поманил Сун Цзиюя.

— Наклонитесь, и сами почувуете.

Сун Цзиюй слегка наклонился с седла и обеспокоенно потянул носом. А ведь он говорил Жу Юю не ставить ящик с книгами в самый низ, что, если их перепачкало?

Масло где-то разлилось точно, но вот остальное...

— Ясные глаза, — ухмыльнулся Ху Мэнцзы. — Вблизи вижу, как в них мерцают звезды. Магистрат Сун — исключительный человек, я уверен.

Сун Цзиюй резко выпрямился. Да этот Ху действительно наглец! Захотел рассмотреть поближе, значит?

Надо же было так легко попасться: он же просто перечислил вещи, которыми пользуются все! Кто не моет

голову крапивой, не перекладывает одежду лавандой от моли? Так глупо...

Он поджал губы. Вот твоя карма, Сун Цзиюй, — первым же встретить в Чжунчэне повесу-бесстыдника!

— Завтра приходите в управу для дачи показаний, — сухо зато сказал он.

Впереди как раз показался перекресток.

— Ну раз вы приглашаете меня в управу, так и быть, зайду засвидетельствовать почтение новому магистрату и благодарность — спасшему меня герою! — бесстыдник Ху дождался, пока лошади остановятся, и легко, будто трезвый, выпрыгнул на дорогу, даже не пошатнувшись. В то же мгновение сзади раздался топот копыт и скрип колес: резная повозка, покачиваясь так, словно ось погнулась, наконец догнала их. Ею правил юноша-слуга, его товарищ помладше с виноватым видом сидел на облучке.

Сун Цзиюй скользнул по ним взглядом: невысокого роста, белолицые, с нежными, почти девичьими чертами лица и холеными руками, а повозку смогли поднять, гляди-ка.

Бесстыдник кашлянул, и Сун Цзиюй забыл о слугах. «Что еще скажет», — подумал он, заранее закатив глаза.

Ху Мэнцзы взмахнул рукавами, складывая ладони для вежливого поклона, но вино вдруг все-таки взяло свое: кланяясь, он не рассчитал сил и едва не полетел носом в пыль.

— Еще раз сердечно благодарю за спасение, магистрат!

Сун Цзиюй только головой покачал. Будет чудом, если завтра утром этот господинчик окажется в управе.

Он легонько кивнул и дал своим людям знак продолжать путь.

* * *

Нищие, гревшиеся на солнышке за городскими воротами, у родника, порскнули, как зайцы, увидев его, и скрылись в бамбуке: никто и не думал ни вырубать заросли вокруг ворот, ни подновлять штукатурку на городских стенах. Когда-то она выкрашена была в алый, но время сделало ее грязно-розовой; то тут, то там виднелись нацарапанные кем-то неприличные слова и странные значки, похожие на танцующих человечков или древнее письмо.

Приветственно хрюкнула из лужи огромная свинья, но головы не подняла, лишь выдула носом огромный пузырь. Мальчишка-козопас, увидев богато одетого всадника, попытался отогнать с дороги свое равнодушно пасущееся стадо, но козы разбрелись неохотно, оставляя в знак протеста помет.

Чжунчэн переживал упадок — как и говорили в столице. Вблизи исчезло все кукольное очарование пейзажа: да, изгибы крыш все так же изящны, но что проку, если черепица на них — как выбитые зубы? Когда-то Чжунчэн славился как город, где не найти было улиц немощеных, но то ли это с самого начала была ложь, то ли булыжники давно растащили. Людей на улицах было мало, лавочники лениво отгоняли мух от лежащей рыбы и сморщенных, явно издалека привезенных овощей. Увиденное Сун Цзиюя не удивило, скорее разочаровало. Прекрасный императорский дворец прошлой династии, по слухам, сгорел из-за того, что туда повадились пробираться нищие, но ведь не дворцом единым... Он ожидал увидеть если не описанные в исторических хрониках величественные корабли у причалов, товары со всего света и заморских купцов, то хотя бы достойное увядание, красоту несовершенства... Однако встретили его лишь грязь и равнодушие. Тревожный знак. Люди, живущие так расхлябанно,